

ВИНЕ МЕИР

Как подружить  
асмона  
с дьяволом

ЖЕРТВЕННАЯ  
НЕВЕСТА  
ДЛЯ  
ОГНЕННОГО  
ДЕМОНА

# **Вине Меир**

## **Жертвенная невеста для огненного демона**

*<https://litres.ru/74213713>*

### **Аннотация**

Жертва, невеста, избранница? Нет, просто разменная монета в чужих играх.

Элейн из Вербрука согласилась стать невестой демона, чтобы спасти свою деревню от засухи. Её подготовили, нарядили, принесли в жертву... но древний демон Никсар оказался не тем чудовищем, которого рисовало ей воображение. Вместо когтей и лавы — обольстительная улыбка, вместо алтаря — роскошный дворец в сердце вулкана, а вместо неминуемой гибели — предложение стать «гостьей на испытательном сроке».

График:

Первые три дня ежедневно, далее по расписанию:

Вт. Чт.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Глава 2                           | 11 |
| От автора                         | 18 |
| Глава 3                           | 20 |
| Глава 4                           | 27 |
| Глава 5                           | 32 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 35 |

# Глава 1

Тяжелое солнце безжалостно обжигало поля вокруг деревни Вербрук третье лето подряд. Воздух дрожал над растрескавшейся землей. Девушка прикрыла глаза ладонью, вглядываясь в ту линию, где небо, выцветшее до блеклой жести, сливалось с выжженной, мертвой глиной. Облаков не было и сегодня. Не было уже много дней. Месяцев. Само небо отвернулось от них, запечатав под стеклянным колпаком вечного зноя.

Ее звали Элейн. Худая девушка девятнадцати лет с непослушными светлыми волосами, и усталыми зелеными глазами, в которых поселилась привычная, глубокая тревога. Она обернулась к колодцу. Каменная кладка, когда-то темная от влаги, теперь была покрыта серой пылью и паутиной трещин. На дне, в глубокой тени, тускло поблескивала грязная лужица, больше похожая на мутное пятно, чем на воду.

«Еще на два ведра. Может, на одно» — безрадостно подумала девушка, опуская свое.

Цепь скрипела, звук был сухим, раздражающим. Металлическое дно глухо стукнуло о камни на дне, поднимая облако ила. Вода, если это можно было так назвать, была теплой и мутно-коричневой. Она обожжет горло не утолив жажды. Оставит только горечь.

Деревенская площадь вокруг колодца обычно была цен-

тром жизни Вербрука — шумным местом встреч, сплетен и торговли. Теперь здесь было пусто и мертвенно тихо. Лишь пыль, мелкая и едкая, кружилась в знойном мареве, оседая на растрескавшейся земле и высохших, серых досках домов, съезжившихся под солнцем.

Элейн осторожно, чтобы не взболтать осадок, зачерпнула мутную жидкость в свой глиняный кувшин. Этого хватит разве что смочить губы, промочить тряпку для лба и, может быть, сварить горсть жесткой крупы. На большее рассчитывать не приходилось.

— Можешь поделиться? — тихий, почти беззвучный голос заставил девушку обернуться.

Позади стояло двое детей — худощавый мальчик лет восьми с большими, слишком взрослыми глазами и его младшая сестра, прижимавшая к груди тряпичную куклу с выцветшими чертами лица. Одежда была потрепанной, висела мешками на острых плечах, а на щеках оставались белые дорожки от высохших слез и пыли. Сироты. Родителей забрала та же лихорадка, что и ее, только годом позже.

«Сердце разрывается», — подумала Элейн, и привычная горечь подступила к горлу.

— Сирота раздаёт водичку другим сироткам, — раздался насмешливый, слегка заплетающийся голос со стороны запертой наглухо пекарни. Бледный юноша в некогда дорогом, но теперь порядком изношенном жилете прислонился к стене, скрестив руки на груди. Торн, сын старосты. Щеки пух-

лые от скрытых запасов, и это злило больше всего. — Как трогательно. Настоящая святая из грязи.

— Отстань, Торн, — Элейн даже не посмотрела на него. Руки аккуратно налили немного воды в маленькую деревянную чашку. — Им нужнее.

Девочка, Лили, жадно припала к чашке, а мальчик, Марк, настороженно следил за сыном старосты, готовый в любой момент схватить сестру и убежать в тень переулка. Он испытывал к этому отбросу из светских кругов только ненависть. Элейн понимала его слишком хорошо. Ведь испытывала то же самое.

— Знаешь, что говорят в деревне? — Торн оттолкнулся от стены и подошел ближе, нарушая хрупкую дистанцию. Запах яблочного сидра ударил в нос — еще один дефицит, доступный лишь избранным. — Говорят, это всё из-за таких, как ты. Серых, убогих, никому не нужных. Боги гnevаются на Вербрук за то, что мы терпим среди себя нечистую кровь, не принесли должной жертвы для очищения.

«Нечистая кровь». Старая, избитая песня. Мать девушки была чужой, пришедшей из-за гор, и этого никогда не забывали.

— Чушь, — Элейн забрала пустую чашку из маленьких, липких рук Лили. — Иди пропись, Торн. Твои сказки никого не напоят.

Но сын старосты был зол, пьян и, что хуже всего, уверен в своей безнаказанности. Он схватил её за запястье своими

влажными и цепкими руками.

— Не указывай мне, что делать, выбросок, — дыхание парня обожгло её щеку. — Старейшины собираются сегодня вечером. Мой отец говорит, пришло время вспомнить древние традиции и платить по долгам. Всем.

Элейн вырвала руку. Движения получилось довольно резким, отточенным годами необходимости быть сильной, когда не на кого опереться.

— Пусть вспоминают. И желательно, пусть найдут способ вернуть воду в колодец и дождь с неба, пока мы все не умерли от жажды или не съели друг друга, как крысы в трюме.

Она повернулась к детям, спиной к Торну, демонстративно игнорируя его.

— Идемте. Вода кончилась, но я покажу вам, где в овраге, может быть, остались медовые ягоды... — и добавила тише: — Если муравьи не съели.

\*\*\*

К вечеру, когда солнце, наконец, скатилось за горизонт, окрасив небо в болезненно-багровые тона, по деревне поползли слухи.

Женщины, развешивавшие выстиранное белье, которое теперь приходилось полоскать в отстоявшейся дождевой воде, собранной по каплям в бочки за месяцы, шептались, кивая в сторону дома старосты. Лица были закрыты, глаза бежали.

Мужчины, вернувшиеся с полей с пустыми руками и тя-

жестью безнадежности в плечах, угрюмо кивали, когда речь заходила о «необходимости крайних мер», о «жертве для общего блага». Слова были туманными, но смысл висел в воздухе.

Элейн сидела на скамейке у окна, своего маленького, покосившегося домика на самой окраине деревни. После смерти родителей она жила здесь одна, отгородившись от жалости и перешептываний работой и книгами. Маленький огород за домом, который раньше радовал глаз сочной зеленью лука, моркови и душистых трав ее матери, теперь представлял собой клочок сухой, потрескавшейся земли с несколькими чахлыми, серо-зелеными ростками, борющимися за жизнь.

На коленях у девушки лежала раскрытая книга — одна из немногих, самых ценных вещей, оставшихся от матери. Толстый фолиант в потертом кожаном переплете. Истории о дальних странах, где текли полноводные реки, о волшебных существах из лесов, которых здесь давно вырубili на дрова, и о древних временах, когда боги ходили среди людей и заключали договоры.

Элейн перелистывала страницы, шершавые под пальцами, но мысли её были далеко. Она не видела букв. Она видела лицо Торна, слышала в голове его пьяные угрозы.

«Древние традиции... смешно просто».

В книгах матери были такие истории. О жертвоприношениях духам урожая, о девах, отдаваемых рекам... Холодный

коммок страха начал формироваться у нее под ребрами.

— Завтра день у колодца будет непростым, — произнесла она вслух, обращаясь к маленькой ящерице, замершей на нагретом камне у порога. Ее собственный голос прозвучал чуждо в вечерней тишине. — Ещё несколько недель такой жары, и брать будет совсем нечего. Тогда начнется настоящая паника.

Резкий, нетерпеливый стук в калитку, больше похожий на удар, застал её врасплох. Книга чуть не соскользнула с колен. Сердце гулко ударило в груди.

У ворот, залитые багровым светом заката, стояли трое: староста Вербрука — грузный мужчина с лицом, обветренным и крайне озабоченным; его первый помощник, молчаливый и крепкий; и деревенский шаман Мортимер — седой, сухопарый старик с глазами цвета выцветшего, мертвого неба.

— Элейн, дитя, — начал староста. Он избегал смотреть прямо на нее, взгляд блуждал где-то над ее плечом. — Совет старейшин просит... то есть, желает твоего присутствия на собрании. Сейчас.

— Моего? — девушка нахмурилась, медленно поднимаясь. Ноги вдруг стали ватными. Сирот, да еще и с «нечистой кровью», в деревенском совете не привечали. Разве что для выговора или дополнительной работы. — Зачем?

— Все узнаешь на месте, — староста откашлялся. — Это... большая честь для такой, как ты. Шанс послужить об-

щине.

Шаман Мортимер молча смотрел на нее. От этого взгляда по спине Элейн пробежал ледяной, тошнотворный холодок.

— Я... я могу отказаться? — спросила она, уже заранее зная ответ.

— Конечно, дитя, — ответил староста, но его глаза, мельком встретившиеся с ее взглядом, говорили обратное. — Свободная воля. Но тогда... — он сделал паузу для эффекта, — ...тогда мы не сможем помочь Марку и Лили. Знаешь, совет как раз собирается определить судьбу круглых сирот сегодня. Без поддержки общины... в такие времена их ждет долгая дорога. Или голодная яма за околицей.

Удар. Низкий. Прямо под дых. Девушка стиснула зубы так, что заболела челюсть. В горле встал ком. Она знала, что это гнусная манипуляция, что, возможно, судьба детей уже решена независимо от ее выбора. Но рисковать она не могла. Не для себя. Для них. Ей то что терять?

Она посмотрела на шамана. Тот едва заметно кивнул, будто подтверждая невысказанную вслух догадку — это было не приглашение.

Глубоко вдохнув, чтобы унять дрожь в коленях, девушка кивнула в ответ.

— Хорошо. Я буду.

## Глава 2

Большой зал в доме старосты был единственным местом в Вербруке, способным вместить всех старейшин. Помещение, обычно использовавшееся для свадеб и праздников, теперь казалось мрачным и тесным. Двенадцать мужчин и женщин, самых уважаемых и старых, сидели за длинным дубовым столом, грубо сколоченным еще прадедами. Когда Элейн вошла в сопровождении помощника старосты, воздух в комнате сгустился от молчаливого напряжения.

Свечи в железных подсвечниках отбрасывали дрожащие, неровные тени на лица, делая их похожими на маски из воска — застывшие, с глубокими морщинами-трещинами. В углу комнаты, прислонившись к резному буфету, стоял Торн, скрестив руки на груди. На его лице играла плохо скрываемая ухмылка удовлетворения, будто он наблюдал за тем, как наконец-то ловят давно ускользавшую дичь.

«Собрался весь цветник», — мелькнула в голове девушки истеричная мысль.

— Проходи, садись, дитя, — староста указал трясущейся от возраста рукой на одинокий стул, поставленный в центре комнаты, прямо напротив головы стола. Низкий, с жестким сиденьем из некрашеного дерева. Он стоял на голых половицах, в отдалении от всех, как место для подсудимого.

Элейн осторожно опустилась, чувствуя, как каждый су-

чок давит сквозь тонкую ткань платья. Её беспокойство, этот противный холодный комок в желудке, рос с каждой секундой, проведенной под пристальными, оценивающими взглядами.

— Элейн из Вербрука, — начал шаман Мортимер, поднявшись со своего места с неестественной для его лет легкостью. Его тень, гигантская и уродливая, заплесала на стене за ним. — Ты знаешь, почему мы позвали тебя в этот круг?

— Нет, господин, — ответила Элейн, заставляя свой голос звучать ровно.

«Ложь. Я догадываюсь. О, боги, я догадываюсь».

— Наша деревня погибает, — старик медленно, с театральной важностью обошел стол, его потрескавшиеся башмаки поскрипывали по полу. — Три года без должного дождя. Колодцы высыхают. Скот гибнет, блея и мыча от жажды. Урожая нет. Земля, как и Боги, отвернулась от нас.

Элейн молчала, сжав зубы. Всё это было известно каждому жителю Вербрука до боли, до тошноты. Зачем повторять? Чтобы создать настроение? Чтобы оправдать то, что они собираются сказать дальше?

— Мы обращались к соседним землям за помощью, — продолжил староста, перебирая лежащие перед ним бумаги — бесполезные прошения, теперь просто бутафория. — Отправляли гонцов к королевскому двору с последними монетами из общей казны. Никто не может помочь. Засуха поразила все земли в округе. Мы одни в этой беде.

«Одни. И потому нужно найти крайнего. Жертвенного агнца», — пронеслось в голове девушки.

— Все земные методы испробованы, — добавила травница Хельда, единственная женщина среди старейшин. Ее лицо, обычно доброе, сейчас было строгим и усталым. Она не смотрела на Элейн. Было стыдно. — Молитвы, подношения малым духам, даже... даже кровь скотины проливали у камня на перекрестке. Ничего. Остался лишь один путь. Древний. Тот, к которому прибегали предки, когда мир был моложе, а боги — ближе.

Шаман, дойдя до противоположного конца стола, достал из-за пазухи древний свиток, завернутый в потемневшую кожу. Он бережно, с дрожью в пальцах, развернул его на столе.

— Три ночи я провёл в посту, в молитвах и поисках ответа в глубинах памяти наших предков, — его голос стал глубже, наполнился ложной, напыщенной силой проповедника. — И был мне знак. В самых старых книгах, что хранились под алтарем в разрушенной часовне, нашёл я забытый, но истинный ритуал. Наши предки знали, как молить о милости не богов, что отвернулись, а... иных сил. Сильных. Древних.

Девушка чувствовала, как холодеют кончики пальцев.

— Никсар, — торжественно произнес шаман, указывая костлявым пальцем на рисунок в свитке. На пергаменте было изображено существо с мощной, рогатой головой, окруженное языками пламени, но в самих очертаниях было что-то извращенно-человеческое, и крайне соблазнительное. —

Древний дух огня и плодородия, хранитель подземных ключей и повелитель дождевых туч. В его власти — вернуть жизнь нашим землям, наполнить колодцы и напоить корни. Он может остановить эту пытку.

— Но такие силы... демоны, — тихо, с придыханием поправила травница, наконец подняв глаза на Элейн, — они требуют платы. Не монет и не хлеба.

— Жертвы, — добавил шаман, — Не простой жертвы, но особой. Чистой девы, не познавшей мужчины, чья душа не отягощена земными страстями. И... без кровных уз, связывающих её прочно с этим миром. Той, чья жизнь уже принадлежит общине, а не семье. Той, чья жертва будет... чистейшей.

Девушка чувствовала, как кровь отливает от лица, оставляя кожу холодной и липкой. Стало кристально, ужасающе понятно, почему выбор пал именно на неё. Сирота. Чужестранка по матери. Одинокая. «Без кровных уз». Удобная. Расходный материал.

— Вы... — ее голос сорвался, стал хриплым шепотом. Она сглотнула, пытаясь найти воздух. — Вы хотите принести меня в жертву? Отдать этого... этому Никсару?

— Не просто жертву, — мягко, почти отечески произнёс староста, сложив руки на столе. — Невесту. Никсар требует невесту, которая станет связующим звеном между нашим миром и его царством. Живым мостом. Ты будешь отдана ему в обряд брака, и через этот союз его сила изольется на

наши поля.

— Это великая честь, Элейн, — перебил снова шаман, — Твоя судьба — не умереть в неизвестности от голода, а спасти всю деревню. Твое имя будут помнить. Как героиню. Как святую.

В комнате повисло густое, давящее молчание, нарушаемое лишь потрескиванием свечей. Девушка смотрела на свои руки, сжатые на коленях до побелевших костяшек. Она видела каждую царапину, каждый след от работы, тонкие синие жилки под кожей. Эти руки могли бы держать собственного ребенка, лечить травы, перелистывать страницы книг... Теперь их судьба была иной.

— А если я откажусь? — наконец выдохнула она, поднимая голову. Ее взгляд метался от лица к лицу, ища хоть долю поддержки. Но ее было.

Торн тихо усмехнулся из своего угла.

Староста вздохнул, развел руками в показном бессилии.

— Тогда мы все умрём, дитя. Медленно и мучительно. И дети, о которых ты так трогательно заботишься, умрут первыми. Они уже ослаблены. Марк не переживет и месяца. Лили — и двух недель. Разве ты хочешь этого на своей совести?

Снова удар.

Элейн закрыла глаза, пытаясь заглушить внезапный приступ тошноты. Перед внутренним взором, сквозь красную пелену отчаяния, промелькнули живые, яркие воспоминания: смех девочки, когда та впервые нашла сочную ягоду; се-

рьезный, сосредоточенный взгляд мальчонки, когда он пытался починить забор; их теплые, цепкие пальчики в ее руке.

Они ставили ее перед выбором, которого не было. Смерть от их рук через ритуал или смерть от ее «эгоизма» на глазах у всей деревни. И они знали, какой путь выберет та, кто годами доказывала, что заботится о других больше, чем о себе.

«Это не честь. Это убийство, прикрытое красивыми словами», — яростно кричало что-то внутри нее. Но крик тонул в тине страха и чувства долга, вбитого в нее с детства.

— Когда? — спросила Элейн тихо, почти беззвучно.

— В полнолуние, — немедленно ответил шаман, — Через семь дней. Мы подготовим тебя, облачим в подвенечное платье. В ночь, когда луна будет самой полной и самой яркой, ты станешь невестой Никсара. И с первыми лучами солнца... наша деревня будет спасена. Твоею кровью и твоим духом.

Девушка медленно подняла глаза и обвела взглядом лица старейшин. Некоторые, как травница Хельда, смотрели с искренним, беспомощным сочувствием и стыдом. Другие, как помощник старосты, упрямо смотрели в стол, не в силах встретиться с ней взглядом. Третьи — сам шаман и несколько других — с холодной, расчетливой решимостью. Жребий был брошен еще до того, как она вошла в эту комнату.

Глубокий вдох. Еще один.

— Я согласна, — произнесла она ровным, мертвым голосом, хотя внутри всё сжималось в тугую, болезненный узел из страха, ярости и ледящего отчаяния.

Её судьба определена. Не спасение, а церемониальное убийство. Не честь, а удобное избавление. И семь дней, чтобы смириться с этим.

# От автора

*Дорогой читатель!*

*Я держу в руках эту книгу и чувствую странную смесь гордости и... дрожи. Это правда, что обычно я чувствую себя увереннее, когда пишу от первого лица, когда повествование пропущено через «я» героя, через его личный, почти интимный голос. Но эта история попросила другого голоса.*

*Третье лицо. «Он», «она», «они».*

*Для меня это было как выйти на сцену без привычных декораций.*

*Я много раз останавливалась, перечитывала абзацы и сомневалась: «Звучит ли это слишком отстраненно? Не потерялся ли тот самый внутренний огонек, который я так люблю в текстах от первого лица?».*

*Честно говоря, я до сих пор не знаю, получилось ли. Возможно, где-то текст кажется вам более холодным или, наоборот, приобрел ту самую яркость, которой мне так не хватало раньше. Этот эксперимент — мой прыжок в неизвестность.*

*Но знаете что? Пока я писала, я вдруг поняла, что третье лицо дает мне, автору, возможность подглядывать за героями со стороны, видеть то, что они сами не замечают в себе. Это было волнительно, как подглядывание в замочную скважину за чужой жизнью.*

*Поэтому я сейчас очень жду вашего мнения.*

*Напишите мне, не разбилась ли магия при смене перспективы.*

*Стала ли история вашей, несмотря на этот «чужой» взгляд?*

*Спасибо, что вы рядом и что решились перелистнуть первую страницу. Ваше доверие — главная награда для меня.*

*С искренней благодарностью и легким волнением,*

*Ваша Вине Меир!*

## Глава 3

Следующие семь дней были самой сюрреалистичной неделей в жизни Элейн. Ожидание смерти превратилось в абсурдную подготовку к самому мрачному сватовству в истории Вербрука.

*День второй.*

Травница Хельда, с глазами, полными вины, провела девушку к запруженному ручью за деревней со словами: «Ритуальное очищение, дитя. Вода должна смыть все земные помыслы».

Ручей, некогда весело журчавший, теперь был жалкой лужей, подпертой плотиной из камней и глины. Вода стояла мутная, в ней плавали травинки и тихо шевелились водяные клопы.

Символично. Очищение в грязной луже перед тем, как отдать душу.

«Мои помыслы сейчас — это желание сбежать и прихватить с собой Марка и Лили», — пронеслось у нее в голове, пока она, стиснув зубы, погружалась в прохладную, илистую воду. Платье, старое и поношенное, тут же облепило кожу, став тяжелым и неудобным.

Хельда, стоя на «берегу» в своем простом холщовом платье, смотрела на нее с таким выражением, будто видела перед собой уже призрак.

— Ну же, дитя, полностью. Чтобы вода покрыла плечи.

Элейн опустилась ниже, чувствуя, как тина цепляется за волосы. Женщина закатала рукава, взяла в руки жесткую, колючую мочалку из высушенной люфы и принялась тереть ей спину.

Движения были энергичными, почти яростными, с такой решимостью, будто она отскребала не грязь, а самые что ни на есть грехи: грех существования, грех чужой крови, грех нежелания покорно принять свою судьбу. Каждое движение отдавалось жгучей болью на нежной коже.

— Знаешь, — вдруг сказала травница, понизив голос до шепота, едва слышного над плеском воды. Ее пальцы на мгновение замерли. — В старых записях, говорят, что Никсар... ценит не только чистоту. Он ценит огонь в душе. Смелость. И... чувство юмора. Что он терпеть не может зануд и тех, кто принимает все слишком всерьез.

Элейн фыркнула, выпуская пузыри воздуха в мутную воду.

— Отлично, — сказала она, — Значит, я приду на алтарь с парой хороших, проверенных шуток про засуху и то, как нашу деревню спасет демон, которому, видимо, наскучили традиционные жертвы. Надеюсь, у него есть чувство юмора насчёт ритуальных жертвоприношений. Может, рассмешив его, я выиграю себе вечную жизнь в качестве придворной шутихи.

Хельда вздрогнула, и мочалка снова задвигалась, еще

жестче.

— Элейн... — в голосе прозвучал упрек, смешанный с ужасом. — Не говори так. Это... непочтительно.

— Непочтительно? — девушка резко обернулась, вода хлюпнула. Капли стекали по ее лицу, и было непонятно, вода это или слезы, которых она не позволила себе пролить. — Меня семь дней будут готовить к тому, чтобы отдать в качестве живого свадебного подарка существу из кошмаров. Меня моют, как ягненка на заклание, заставляют учить молитвы, от которых вянет разум. Вы хотите, чтобы я была «почтительна»? Я могу быть послушной. Могу быть тихой. Но не просите меня быть почтительной к этому фарсу.

Она выпрямилась, холодный воздух ударил по мокрой коже, покрывая ее мурашками.

— Не отчитывайте меня за такие слова. Я все понимаю. Понимаю, что выбора у меня нет. Понимаю, что Марк и Лили — мое слабое место, за которое можно дергать. Понимаю, что для всех я уже не Элейн, а «Жертва», «Невеста», «Спасительница». Ритуальный предмет. Так позвольте же этому ритуальному предмету иметь последние дни свои, пусть и едкие, мысли. Это все, что у меня осталось.

Хельда отступила на шаг, мочалка бессильно повисла в ее руке. Ее лицо исказилось от такой смеси стыда, жалости и страха, что Элейн стало почти жаль ее. Почти.

— Выйди, дитя, — тихо сказала травница, отводя глаза. — Очищение... завершено. Иди, обсохни. Завтра... завтра

снова начнем учить молитвы.

*День пятый.*

Первым, в сумерках, пришел старый кузнец Барни. Его некогда могучая фигура теперь была согнута, а руки, привыкшие гнуть железо, дрожали. Он стоял на пороге ее хижин, переминаясь с ноги на ногу, не решаясь войти.

— Заходи, Барни, — позвала Элейн устало, но тепло. Он был одним из немногих, кто после смерти родителей не смотрел на нее с подозрением, а учил полезному: как наточить косу, как починить петлю на двери, как отличить хорошую сталь от хрупкой.

Кузнец вошел, сняв потрепанную шапку. Он молча протянул девушке что-то, завернутое в кусок грубой кожи.

— На... удачу, — пробурчал он, глядя куда-то мимо ее плеча, в темный угол. — Или... не знаю. Чтобы не скучала, и помнила.

Элейн развернула сверток. На ладони лежал маленький, отлитый из темного, почти черного металла бутон чудного цветка. Маленький кусочек железа против демона огня. Абсурдный, как и все остальное. Но реальный. Он не таял и не испарялся от страха.

— Спасибо, Барни, — прошептала девушка, сжимая его в ладони так, что лепесток слегка впивался в кожу. — Я... ценю.

— Ты всегда была с характером, девчонка, — хрипло сказал старик, — Не давай этому... этому «ему» этот характер

сломать. Даже если... — он не договорил, махнул рукой и, не прощаясь, вышел в сгущающиеся сумерки, постукивая по-сохом по высохшей земле.

Элейн спрятала бутон в потайной кармашек, который сама же и пришила внутрь простого платья.

Позже, когда уже стемнело, пришли Марк и Лили. Они прокрались, как мышки, держась за руки. Лицо мальчика было напряженным и взрослым не по годам, Лили прижимала к груди что-то, завернутое в тряпицу.

— Мы принесли тебе... подарок, — тихо сказал мальчик.  
— Чтобы ты помнила нас.

Лили протянула венок, сплетенный из увядших, высохших полевых цветов и колосьев, которые еще чудом уцелели на окраинах. Васильки, поблекшие до серо-голубого, ромашки с поникшими головками, стебли пырея. Он был хрупким, печальным и бесконечно красивым в своей обреченной нежности.

— Чтобы ты была красивой, как принцесса, — прошептала Лили, протягивая венок дрожащими руками. В ее глазах стояли слезы, но она изо всех сил старалась улыбаться. — Самую красивую принцессу отдают принцу, правда?

Этот детский, наивный взгляд на происходящее стал последней каплей. Вся абсурдная, горькая «романтическая комедия» ее положения — невеста демону, ритуальные купания, заучивание молитв — дала в этот момент глубокую трещину. Из которой хлынула леденящая, невыносимая реаль-

ность. Это были не игривые приготовления к странной свадьбе. Это было прощание. Навсегда.

Элейн опустилась на колени перед детьми, чтобы быть с ними на одном уровне. Она взяла венок, пальцы осторожно коснулись хрупких, шуршащих лепестков.

— Спасибо, — голос сорвался. Она надела венок на голову. — Я буду самой... особенной принцессой.

Девушка притянула их обоих к себе, обняла так сильно, что косточки у Лили хрустнули, а Марк издал удивленное «уф». Она вжалась лицом в их тонкие плечи, вдыхая запах пыли, детского пота и той необъяснимой, живой теплоты, которая исходит только от детей. Дыхание перехватило, в горле встал горячий, болезненный ком. Она не позволила себе заплакать, но ее тело содрогалось от подавляемых рыданий.

— Вы должны быть сильными, — прошептала Элейн им в волосы, голос предательски задрожал. — Марк, заботься о сестре. Лили, слушайся брата. И... и помните, что я... что я очень вас люблю. Больше всего на свете.

Они обняли ее в ответ, маленькие, цепкие руки впились в ее платье. Лили тихо всхлипывала. Марк молчал, но его плечи тоже вздрагивали.

В этот момент Элейн поклялась себе — неважно, что будет там, на алтаре, с этим Никсаром. Неважно, демон он, дух или просто очередная деревенская страшилка. Если у нее будет хоть малейший шанс, хоть тень возможности как-то повлиять на судьбу, она использует его. Не ради спасе-

ния деревни, которая так легко отдала ее. А ради этих двух пар глаз, полных слез и доверия. Ради этого хрупкого венка из увядших цветов. Ради холодного цветка у бедра, который напоминал, что даже в самой безнадежной ситуации можно остаться острым.

Она отпустила детей, вытерла щеку Лили большим пальцем.

— Теперь идите. И не оглядывайтесь. И помните — процессы иногда возвращаются. Самые упрямые.

Они ушли, держась за руки, растворившись в темноте. Элейн осталась сидеть на пороге, в своем простом платье и венке из мертвых цветов. «Романтическая комедия» кончилась. Осталась только суровая, страшная сказка. И она должна была найти в ней свой собственный, неожиданный финал.

## Глава 4

*День седьмой. Вечер.*

Ее облачили в «подвенечное платье», цвета старого вина, почти черного в складках, и сшито из тяжелого, незнакомого шелка, который странно мерцал при свете. Платье обтягивало фигуру, оставляя плечи и часть спины открытыми. Элейн чувствовала себя не невестой, а упакованным подарком.

Каменный алтарь стоял на самом высоком холме за деревней, где когда-то служил дозорной вышкой. Теперь его поверхность была испещрена высеченными огненными рунами, которые светились тусклым оранжевым светом, как тлеющие угли. Вокруг стояли старейшины с факелами. Их лица были напряжены. Торн, конечно, тоже был здесь, с самодовольной ухмылкой.

Воздух пахнет дымом, сухой полынью и страхом. Шаман начал бормотать свою бесконечную молитву. Девушка стояла на коленях перед алтарем, чувствуя, как холод камня проникает сквозь тонкую ткань платья. Ее руки дрожали. Цветок Барни жег бедро через карман.

«...и прими эту деву, чистую и непорочную, в священный союз! Да снизойдет твоя сила, Никсар!»

Факелы вдруг погасли разом, словно их захлестнула невидимая волна. Только руны на алтаре вспыхнули ярче, заливая все вокруг кроваво-красным светом. Воздух затрепетал

от жары, которой не было секунду назад.

Из самого центра алтаря, будто из раскаленного воздуха, начал проявляться силуэт. Сначала это были просто очертания — высокие, мощные. Потом проступили детали: широкие плечи, узкая талия, очертания сильных рук. И наконец, он материализовался полностью.

Никсар.

Он был... не таким, как она могла себе представить. Да, высокий. Да, с парой изящных, загнутых назад рогов цвета обсидиана, вплетенных в густые, темно-медные волосы. Но он не был монстром из кошмаров. Черты были резкими, но безупречными, скулы высокими, губы — чувственными. Он был облачен в нечто вроде темного, роскошного камзола, расстегнутого на груди, обнажающего гладкую кожу с легким золотистым отливом.

Глаза демона горели, как два куска янтаря, в которых плясали настоящие искры. В них не было немедленной ярости или жажды. Было... любопытство. И легкая, едва уловимая усталость.

Он осмотрелся, его взгляд скользнул по перепуганным старейшинам, задержался на Торне, который внезапно побледнел и отступил на шаг, и наконец упал на Элейн.

Наступила тишина. Давящая. Ритуальная.

Никсар приподнял одну идеальную бровь.

— И это всё? — его голос был низким, бархатным, с легкой хрипотцой, как у того, кто давно не говорил. В нем зву-

чала неподдельная разочарованность. — Опять? «Чистая дева», заученные молитвы, дрожащие старики... Мне начинает казаться, что у вашего народца совсем нет фантазии.

Элейн от изумления забыла дышать. Шаман Мортимер открыл и закрыл рот, словно рыба.

— О, Великий Никсар! — наконец выдавил он. — Мы привели невесту! Исполни наш договор!

Демон медленно сошел с алтаря.

Его шаги были почти бесшумными. Он подошел к Элейн, склонился и внимательно посмотрел на нее.

— Ты. Как тебя зовут?

— Э-Элейн, — прошептала она.

— Элейн, — он повторил, — И ты действительно хочешь стать моей «невестой»? Спасти деревню ценой своей... ну, всего этого?

Он говорил так, будто обсуждал погоду, а не ритуальное жертвоприношение.

Внутри девушки что-то перевернулось. Страх начал медленно замещаться возмущением. И абсурдностью всей этой ситуации.

— Честно? — сказала она, ее голос, к ее собственному удивлению, не дрогнул. — Мне предложили не самый широкий выбор. Либо вы, либо чувство вины за смерть дорогих мне друзей. Я выбрала вариант, где хоть кто-то, кроме меня, выглядит идиотом.

За спиной у кого-то из старейшин вырвался приглушен-

ный вскрик. Никсар же... рассмеялся? Это был теплый, искренний смех, от которого огоньки в его глазах заплясали веселее.

— О! Все же что-то новенькое! — Он выпрямился и обвел взглядом собравшихся. — Ваша жертва обладает чувством юмора. И, кажется, острым языком. Это уже интереснее, чем прошлые пять. Они только и делали, что рыдали или падали в обморок.

Он снова посмотрел на Элейн. В его взгляде появилась хитрая, почти игривая искорка.

— Хорошо. Я принимаю твой... «выбор». Но старые условия меня больше не устраивают. — Он повернулся к шаману. — Ваш договор устарел. Я не беру рабынь. Особенно тех, кого приносят на блюде, как немую овцу. Без должных изысков... хоть закололи бы барана на выданье.

— Но... но великий дух! Ритуал! Дождь! — залепетал Мортимер.

— Дождь будет, — махнул рукой демон. — Мне надоело слушать, как вы тут ноете. Но девица, — он снова обратился к Элейн, — отправляется со мной не как жертва. А как... гостья. На испытательный срок. Посмотрим, стоит ли ее «спасть» вашу деревню. Возможно, она окажется скучновата, и я просто верну ее обратно. С поправкой на потраченное время.... И мором на ваши головы, чтобы этого не повторилось.

Он протянул ей руку. Пламя в его глазах мягко мерцало, приглашая и дразня.

Элейн смотрела на эту руку, потом на перекошенные от ужаса и непонимания лица старейшин, на побледневшего Торна. Демон огня только что назвал их ритуал скучным, поставил под сомнение ее интересность как личности и предложил что-то вроде... свидания с правом возврата?

Девушка почувствовала, как уголки ее губ сами собой дрогнули. Это была ухмылка чистого, неподдельного «ну что за черт?».

Но все же положила свою холодную, дрожащую ладонь в его горячую.

— Надеюсь, у вас там, где вы живете, есть что-нибудь поесть. Меня кормили только ритуальной кашей семь дней.

Никсар усмехнулся.

— О, дорогая «невеста». У меня есть всё.

## Глава 5

Элейн очнулась, стоя на ногах, но мир под ними был другим. Пол под босыми ступнями был теплым, как нагретый солнцем камень, и выложен плиткой из темного, полупрозрачного, сквозь который струились прожилки золота и огня. Воздух был сухим, напоенным ароматами, которые она могла опознать: паленого сандала, спелого граната, озоном после бури и чем-то глубоким, минеральным, как дыхание самой земли.

Это была галерея. Стены из застывшего, темного стекла, за которым клубились и переливались огненные реки. Сводчатый потолок терялся где-то высоко в дымке, и по нему медленно плыли светящиеся сгустки, похожие на миниатюрные солнца. Это был не дворец в человеческом понимании. Это было сердце вулкана, укрощенное и обращенное в архитектуру. Красота его была первобытной, пугающей и завораживающей до слез.

— Добро пожаловать в Эмберхолд, — произнес Никсар, отпуская ее руку. Его голос звучал здесь иначе — глубже, резонируя с самим пространством. — Огненная Застава между тем, что было, и тем, что будет. Твой новый... ну, назовем это временным пристанищем.

Элейн не могла оторвать глаз от стен. В одном из ближайших «окон» из огненного стекла на мгновение проступило

лицо — искаженное страданием, с открытым в беззвучном крике ртом, а затем расплылось в потоках плазмы.

Она отшатнулась.

— Что это было?!

— Эхо, — равнодушно ответил демон, наблюдая за ее реакцией. — Не все переходы между мирами бывают безболезненными. Некоторые души оставляют... впечатление. Не обращай внимания. Они не могут тебе навредить. Уже.

Он повел ее дальше. Их окружала тишина, наполненная тихим гулом, биением, как у гигантского сердца, и далекими, мелодичными перезвонами, похожими на звук хрустальных колокольчиков.

— Насчет засухи, — вдруг сказал Никсар, не глядя на нее.

— Это был не я.

Элейн остановилась как вкопанная.

— Что?

— Я сказал: это был не я. — Он обернулся, в его янтарных глазах плескалась уже знакомая ей смесь усталости и иронии. — Ваши старейшины, в своем святом рвении задобрить «древние силы», лет двадцать назад провели очень неудачный ритуал у подножия Спящего Вулкана. Нарушили древние печати, выпустили духа засухи — скучного, примитивного создания, которое только и умеет, что пить. А потом, когда все пошло к чертям, решили, что виноват я, потому что моя «сфера влияния» — огонь и плодородие. Ирония, да? Они сами навлекли беду, а теперь приносят мне жертвы,

чтобы я ее устранил. Как будто я служба спасения от их магического непрофессионализма.

Элейн почувствовала, как у нее подкашиваются ноги. Не от страха, а от накатившей волны чистейшей, белой ярости.

— Они... они знали?

— Шаман? Возможно, догадывался. Но признать ошибку своего рода — значит потерять власть. Гораздо проще найти внешнего врага и жертву. Ты была идеальным кандидатом. Никто не стал бы задавать вопросов, если бы с тобой что-то случилось «во имя спасения всех».

В этот момент что-то в девушке окончательно переломилось. Страх испарился, сгорел в том самом внутреннем огне, о котором говорила Хельда. Его место заняло холодное, ясное понимание и желание... ну, если не мести, то хотя бы очень громкого «я же говорила».

— Так зачем ты тогда вообще появлялся? Зачем принимал эти... «жертвы»?

Никсар усмехнулся, и в этот раз его улыбка была лишена обольщения. Она была горькой.

— Скука, дорогая Элейн. Бесконечная, вселенская скука. А также... любопытство. Интересно наблюдать, до чего дойдет отчаяние разумных существ. И иногда — очень редко — среди приносимых попадают действительно интересные экземпляры. Как ты, например.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.